
ЛЕКТОРИЙ

ИСТОРИЯ ПСИХОТЕРАПИИ. ЛЕКЦИЯ 2. ПРЕДЫСТОРИЯ ПСИХОТЕРАПИИ (ЧАСТЬ III)

И.Б. ГРИНШПУН

Данная публикация продолжает цикл лекций Игоря Борисовича Гриншпуна по истории психотерапии. Эта часть посвящена влиянию психологии и философии XIX века на становление психотерапии и охватывает широкий круг персоналий того времени. В ней прослеживается развитие естественнонаучной линии, идущей от В. Вундта вплоть до американского бихевиоризма. Рассматриваются некоторые идеи Ф. Brentano, их развитие в феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциализме М. Хайдеггера, анализируется прямое и косвенное влияние этой философской ветви на различные направления психотерапии. Рассматриваются заложенные В. Дильтеем основы гуманитарной линии в психологии, на которую опирается гуманистическая и экзистенциальная психотерапия. Обсуждается значение герменевтики для психотерапии. Приводится анализ фрагментов произведений А.С. Пушкина с точки зрения герменевтики. Затрагивается проблема диагноза в психиатрии и психотерапии. Рассматривается влияние идей и изобретений Ф. Гальтона на психологию и психотерапию. Прослеживается связь псевдонауки френологии с учением о локализации психических функций, важным для развития психиатрии и клинической психологии.

Ключевые слова: история психотерапии, экспериментальная психологическая лаборатория, интенциональность, феноменология, понимающая пси-

Для цитаты:

Гриншпун И.Б. История психотерапии. Лекция 2. Предыстория психотерапии (Часть III) // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 2. С. 115—131. doi: 10.17759/cpp.20162402008

хология, экзистенциализм, жизненный мир, эмпатия, герменевтика, фре-
нология, Вильгельм Вундт, Владимир Бехтерев, Франц Brentано, Эдмунд
Гуссерль, Серен Кьеркегор, Вильгельм Дильтей, Фрэнсис Гальтон.

Влияние психологии и философии XIX века на становление психотерапии

Сейчас мы поговорим о некоторых ключевых фигурах западной тра-
диции XIX века, психологах и философах, прямо или косвенно повлия-
вших на психотерапию¹.

Напомню вам, что для психологии одной из ключевых фигур того
времени был Вильгельм Вундт. Нас сейчас интересует не его теория эле-
ментов сознания, нас интересует вещь, вроде бы к психотерапии прямо
не относящаяся. В 1879 году Вундт открыл первую лабораторию экспе-
риментальной психологии, под которую до того была разработана про-
грамма психологии. Причем здесь психотерапия? Я буду очень краток.
Дело в том, что у Вундта экспериментальной психологии учились очень
многие, в том числе и Владимир Михайлович Бехтерев.

Бехтерев, молодой тогда невролог, в 80-е годы XIX века проходил ста-
жировку за границей, в Германии, Австрии и Франции. Он стажировался
во всех крупнейших неврологических клиниках, в том числе обучался
гипнозу у Шарко в клинике Сальпетриер. У Шарко была идея использо-
вать психологию в психиатрии (т.е. в неврологии; напомню, по Шарко,
гипноз имеет неврологическую природу), и в Сальпетриере он создал
психологическую лабораторию по типу вундтовской, которой заведовал
Пьер Жане (после смерти Шарко ее разогнали).

Именно Бехтерев привезет гипноз в Россию и будет пытаться приме-
нять его в разных областях, в том числе для лечения алкоголизма, хотя и
не очень успешно. Среди прочего, Бехтереву понравилась идея Шарко о
возможности работать с душевнобольными, применяя психологию. Он
прошел обучение экспериментальной психологии в лаборатории Вунд-
та в Германии, и примерно в это же время получил приглашение воз-
главить кафедру нервных болезней в Казанском университете, одном из
крупнейших университетов страны. Это было очень лестное предложе-
ние для молодого человека, которому в то время не было еще и 30 лет.
Бехтерев его принимает, но ставит условие, чтобы ему дали возможность

¹ Психотерапия все-таки в основном рождалась в западной традиции. Если
вы захотите узнать о предыстории психотерапии в российской культуре, можете
посмотреть книгу психиатра и психоаналитика Юрия Каннабиха «История пси-
хиатрии» — он отслеживает ее до 20-х годов XX века.

создать там такую лабораторию. Это было сделано. Он закупил оборудование в Германии и в 1885 году открыл в Казани первую в нашей стране психологическую лабораторию (а через десять лет — в Петербурге).

Бехтерев долгое время действительно пытался применять вундтовскую психологию, но не преуспел. Ведь на чем основана вундтовская экспериментальная психология? По сути, на доверии к самоотчетам испытуемых. Да, оборудование позволяет сделать самонаблюдение более строгим. Однако Бехтерев пришел к выводу, что доверять самоотчетам душевнобольных нельзя, они не отражают того, что непосредственно происходит в сознании. Проработав таким образом примерно десять лет, он начнет создавать свою так называемую «объективную психологию», в противовес субъективной вундтовской. Потом это будет у него называться «психорефлексология», потом — просто «рефлексология». Таким косвенным образом в нашей стране возникнет поведенческая терапия, которая сильно повлияет на Джона Уотсона и американский бихевиоризм.

Еще раз: Вундт — это не прямое воздействие на психотерапию, но тем не менее он повлиял на ее развитие.

Теперь еще некоторые важные непосредственно для нашего разговора события XIX столетия. С вашего разрешения, я не буду говорить о Ницше. Это очень важная фигура. Но это более или менее известное пространство. А вот тут может быть что-то менее очевидное. Я имею в виду австрийского философа Франца Brentano. Непосредственно психотерапией он не занимался. Он был католическим священником родом из Германии, но его отлучили от церкви за непризнание догмата о непогрешимости Папы Римского и он переехал в Австрию.

В психологии он считается создателем так называемой «теории актов сознания». В тогдашнем позднем ассоцианизме было две ветви — это вундтовский структурализм и функционализм. Brentano стоит у истоков функционализма. Его интересовало не столько строение сознания, как Вундта, сколько то, что сознание делает и как это происходит. Я не буду вторгаться в эту теорию глубоко, хочу лишь сказать, что Brentano обратил внимание на одно свойство сознания, которое называется интенциональность, т.е. активная направленность. Сознание — это всегда сознание чего-то. Это не некое пространство, куда напихано какое-то содержание, это всегда активный процесс, на что-то направленный. Поэтому Brentano интересуют не ощущения, а чувствования, не идеи, а акт мышления.

Здесь очень важный вопрос: картина мира, как она мне дана, — это просто отображение существующего мира или она является результатом творческой активности самого сознания? Идея интенциональности предполагает второе: наше сознание активно строит картину мира, а не просто отображает его. Например, Brentano рассуждает об эстетике: что произво-

дит впечатление прекрасного, откуда оно берется? Вот мы смотрим на статую Давида и восхищаемся. Причем кто-то да, кто-то нет. Вопрос: статуя Давида действительно прекрасна? Или она становится прекрасной в нашем восприятии, потому что мы приписываем ей что-то от себя, что-то из своего опыта? Brentano приходит к выводу, что, вероятно, последнее, иначе она бы нам всем казалась прекрасной. Если в этом вы увидели прообраз идеи проекции, то вы совершенно правы. Фрейд в молодости работал с Brentano и даже делал по его заданию переводы из Джона Стюарта Милля².

Если следовать дальше: а что же такое наше знание о мире? Ведь мир-то нам дан только через наши органы чувств. И это то, из чего ученик Brentano, немецкий философ Эдмунд Гуссерль, создаст целую философию феноменологии. Продолжая идею интенциональности сознания, он приходит вот к какому выводу (я, конечно, поневоле буду пересказывать это примитивно). Я философ, и вроде бы философы рассуждают о мире (вот, например, Гегель выстраивает общую картину мира). А что я вообще могу о мире сказать? О чем я должен говорить — о мире или о своем восприятии этого мира? Получается, что только о восприятии. Это старая идея, идущая в каком-то смысле от Платона. Помните, есть мир идей — истинное бытие, он объективен, и есть мир, который меня окружает, — это слабые копии этих идей, а не истина. Или берем Канта: вещь-в-себе и явление этой вещи, то есть то, как я вижу эту вещь. Стало быть, Гуссерль — создатель не термина, а философского направления под названием «феноменология», которое обращает человека к его собственному миру, прежде всего, к восприятию. То есть единицей анализа становится не вещь, а перцепция. По Гуссерлю, мы имеем право обсуждать только, как мы **видим** мир, а не мир как таковой.

Гуссерль развивает идею о существовании некоего феноменального поля, в котором мы субъективно и пребываем, именно там происходят события, которые влияют на нас. Отсюда у него возникает понятие, известное вам по Ф.Е. Василюку, — «жизненный мир», мир человека. Другое дело, что мы можем ставить вопрос, как в нашем жизненном мире запечатлевается мир, который существует на самом деле. Ведь можно пойти дальше — мы с вами это обсуждали, когда говорили про субъективный идеализм, — что вообще мы живем в мире образов, реальный мир не имеет к нам никакого отношения. И как мне определить, есть ли на самом деле то, что я вижу, или этого нет? Мы пытаемся судить о мире на основании нашей субъективной реальности, находя какие-то сложные резонансы между миром и психикой.

² Джон Стюарт Милль — британский философ-позитивист, экономист и политический деятель. Известно, что Фрейд переводил на немецкий язык его эссе, посвященные социальным проблемам, а также очерк о работе Дж. Грота «Платон». — *Прим. ред.*

Феноменология очень сильно повлияет на разных психотерапевтов, в частности, конечно, на Роджерса, на Морено. Они так прямо и говорят: никто не может знать, как видит мир человек, с которым мы общаемся или работаем, только он сам это знает. Отсюда идея недирективной роджерсианской терапии: как я могу давать советы, если я — в своей субъективной реальности, а клиент — в своей? И совсем просто: на поведение человека влияет не мир, а его субъективное видение этого мира. И там он может находить ресурсы.

Одной из попыток экспериментально проверить или изучить эту субъективную реальность стала гештальт-психология. Непосредственные проявления феноменального поля увидит Макс Вертгеймер в явлении, которое вы знаете как фи-феномен.

В кино ходите? Там фигуры на экране двигаются? Нет, это статичные кадры, пушенные с определенной скоростью. Это движение — стробоскопический эффект, иллюзия, феномен нашего субъективного мира, нашего восприятия. Гештальт-психологи изучали это под названием фи-феномен: лампочки, загорающиеся с определенной скоростью чередования, создают у зрителя абсолютное чувство, что это одна лампочка бежит туда-сюда. Посмотрим на любые фотографии: сидит ребенок, а за ним окошко, которое дальше, чем ребенок. Но это же плоское изображение, там нет ничего ближе или дальше. Фигура, выделяющаяся на фоне в плоском изображении, — тоже феномен нашего восприятия, субъективного мира.

Исследуя эти феномены, мы начинаем говорить о законах психики. Отсюда появляется идея гештальта, приведшая потом к перевороту в психологии — не синтез от элементов к целому, а сразу целое. Отсюда же «здесь-и-сейчас» и другие вещи.

Почему для нас важна гештальт-психология? Гештальт-психологи сами не занимались психотерапией, но явным образом их идеи приведут к Курту Левину. Хотя он тоже терапией не занимался, от него идут многие вещи, в том числе, как ни странно, некоторое ответвление психоанализа — групповой психоанализ. Левин повлияет и на Фрица Перлза, создателя гештальт-терапии (Перлза неправильно называть гештальт-психологом, по этому поводу мы тоже с вами поговорим). Левиновское «поле» — психологическое, это субъективная реальность. Никакие предметы нас в реальности не притягивают. Валентность — это характеристика **психологических** объектов. Ну а Перлз уже перейдет к идее границы, к идее контакта — это все следствия феноменологии.

Прямое продолжение феноменологии — философия Мартина Хайдеггера, ученика Гуссерля (правда, они потом поссорились). На его идеях в XX веке будет основана значительная часть экзистенциальной психотерапии. Он превратит идею интенциональности сознания в идею интенциональности

бытия. Но бытия, особым образом понятого: это не так, как у Маркса — «бытие определяет сознание»; это экзистенциальная позиция, и в ней бытие не отделяется от мира, это единое бытие-в-мире. На семинарах Хайдеггера, и в общении с ним, и в его работах увидели очень многое Людвиг Бинсвангер, один из создателей экзистенциальной психотерапии, и в еще большей степени Медард Босс, создатель даэин-анализа (термин Хайдеггера, который мы потом будем разбирать)³. Вообще, это один из наименее понятных философов. Иногда говорят, что Хайдеггер считал, что никто, кроме Босса, его не понимает. Правда, еще говорят, что Босс его тоже не понимает.

Так что в этом плане идеи, идущие от Brentano, войдут в психотерапию.

Еще одной фигурой из XIX века, важной для будущей психотерапии, был немецкий философ Вильгельм Дильтей. Это чрезвычайно интересный человек, представлять так называемой «философии жизни», той линии, которая идет от Кьеркегора (кстати, о нем я тоже капельку позже скажу, хотя на самом деле хронологически он был раньше), Шопенгауэра и дальше⁴. Эти философы не ставили задачу описать объективную картину мира в целом, а прежде всего пытались понять проблемы жизни конкретного человека.

Речь идет примерно о 90-х годах XIX столетия, когда В. Вундт сформулировал свою программу психологии, обозначив ее цели — выявление элементов сознания и связей между этими элементами, и обозначив метод — экспериментальный (эксперимент в понимании того времени). Вундт пытался выстроить психологию по типу естественных наук. Те из вас, кто соприкасался с историей психологии, наверно, обращали внимание, что Вундт во многом сам себе противоречил. Как философ Вундт был философ-идеалист, а психологию строил по типу экспериментальной физиологии, даже называл ее «физиологическая психология». Оттуда и пошла традиция естественно-научного подхода в психологии.

Дильтей высказался против этой программы и, полемизируя с Вундтом, предложил иной подход. Он делил все науки на две группы: науки о природе и науки о духе. Потому что дух — это особая реальность по отношению к природе. К наукам о духе Дильтей относил вообще все гуманитарные дисциплины, в том числе историю, социологию, полагая

³ И Л. Бинсвангер и М. Босс вышли из психоанализа, но создавали по существу экзистенциальную психотерапию и психологию.

⁴ К этим философам относится, например, Ницше, который, строго говоря, больше психолог, чем философ, и психолог особого типа — размышляющий. Ведь у Ницше даже аргументов обычно нет, только красиво звучащая фраза — и выстраивается совершенно особая картина, которая познается не на рациональном уровне (хотя так можно сделать, но тогда мы сразу утратим Ницше), а на уровне проживания.

психологию, возможно, центральной среди них. Он считал, что это две группы наук с совершенно разной методологией. Мы не можем применять к духу ту же методологию, что и к природе. Почему?

В природе, как полагал Дильтей, действуют силы внешней причинности. И природные явления мы можем объяснить через некоторые внешние события, так, как пытался делать Вундт по отношению к психике, например. Скажем, если я подниму свою бутылку с водой и разожму пальцы, она упадет. И я объясню почему, да? Потому что сначала действуют такие силы, потом какая-то сила исчезает, действует другая — поэтому бутылка упала. Попробуйте теперь так же объяснить: а почему я разжал пальцы? Ведь никакие внешние причины вроде бы не действовали, никто за пальцы не тянул. Так вот, с точки зрения Дильтея, дух определяет себя сам. И в этом принципиальное отличие. (Здесь речь идет не только об индивидуальном духовном пространстве, но и об общественном духе). Мы не можем объяснять дух, а можем описывать то, что происходит. Поэтому психология, как и любые науки о духе, не должна быть наукой объяснительной, она должна быть наукой описательной (хотя там есть анализ, есть выделение объектов в пространстве психики, но описательное). Второе название психологии Дильтея — «описательная психология».

Какой же метод может тогда использовать психология? Природу мы объясняем, выстраивая эксперименты. Что такое эксперимент? Это вырывание кусочка реальности, моделирование причинно-следственных отношений. Мы положили шарик на наклонную плоскость — он покатился. Не потому, что он захотел, а так действует сила. Вот мы вырвали кусочек природы. А дух, по Дильтею, — явление целостное, и мы не вправе разделять его на части. (В этом плане, когда говорят, что проблема целостности связана прежде всего с гештальт-психологией, — это не совсем верно. В конце XIX века Дильтей заявляет ее вполне очевидным образом). Стало быть, эксперимент тут не годится.

Что оказывается методом? Дильтей предлагает методом сделать понимание, или постижение (есть разные переводы, но «понимание» — более принятый, потому что от Дильтея идет то, что будет называться им самим и его учениками — «понимающая психология»). Понимание — это что-то гораздо более живое, чем вундтовский эксперимент, согласитесь. Другое дело, как его строят.

Понимание как метод очень трудно формализовать. Ведь что такое понимание? Если я хочу по-научному понять, описать, что с вами происходит, какой у меня единственный способ? Отозваться чем-то своим на то, что я вижу, попытаться идентифицироваться и только тогда что-то описать (большой вопрос, правильно ли мы отзовемся, но, во всяком случае, это попытка принять и понять чужую реальность). Конечно, до конца все не познаваемо, но прикоснуться к этому можно. Можно ин-

теллеktуально пытаться понять другого, а можно вчувствоваться в то, что там происходит. Так вот именно в русле понимающей психологии возникнет эмпатия, сначала как исследовательский метод.

В целом, термина «эмпатия» тогда еще нет. Это понятие возникнет у Т. Липпса. Гораздо позже его возьмет Э. Титченер, пытаясь создать особый термин, на манер «симпатии», чтобы перевести то, что с немецкого буквально переводится как «вчувствование» (*Einfühlung* — *Прим. ред.*)⁵.

Эмпатия станет центральным понятием для Роджерса, для Морено и др. Даже для психоанализа сейчас оно отнюдь не чуждо, хотя первоначально Фрейд категорически требовал дистанцирования и никакой эмпатии. В этом плане Дильтей, по сути, обозначил гуманитарную линию психологии, которая оказывается трудно расписываемой технологически, но интенционально понятной. Его идеи повлияли на Бинсвангера и Босса, на экзистенциальную традицию вообще, которая тоже отказывается от внешнего объяснения происходящего и зачастую детерминизма как такового.

Дильтей был одним из основателей герменевтики как некоей научной дисциплины (он не единственный, но один из. У нас, скажем, герменевтикой занимался А. Потебня, в Германии — Ф. Шлейермахер). Изначально герменевтикой называлась наука о расшифровке многозначных текстов, сейчас шире — наука о понимании. Но хочу обратить внимание на ее значение для психотерапии. Когда мы работаем с человеком, мы, по сути, имеем дело с некоторым текстом, и не только вербальным (если понимать текст в широком смысле). Текст может быть прочитан. И человек может быть прочитан как текст. То есть проблема понимания действительно выходит на первый план.

Герменевтика может быть обращена в принципе к любому тексту. Я хочу немного отвлечься от исторического изложения и проиллюстрировать это литературными фрагментами, примерами их понимания. Некоторые вполне обыденные тексты, если мы так к ним подходим, часто вдруг оборачиваются своей необычной стороной.

Например. Вы читаете произведение. Попробуйте прочесть первую главу. Потом вторую. И — незаметно для вас — содержание первой главы в вашей памяти изменится. Можно вернуться к началу и посмотреть, что изменилось, т.е. совершить герменевтический круг. И окажется, что понимания действительно разные.

Если брать художественные тексты. Вы же понимаете, что перевести вообще ничего никуда невозможно, не только с одного языка на другой,

⁵ Вскоре Татьяна Карягина, наша сотрудница, будет защищать диссертацию по проблеме эмпатии. Рекомендую вам ее послушать, сходите в МГУ. (Защита состоялась в Диссертационном совете факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова 22 марта 2013 года. — *Прим. ред.*)

но даже внутри одного языка — понимание субъективно. Возьмем какой-нибудь пушкинский текст. Давайте немного повеселимся.

Вот «Сказка о царе Салтане» — помните, как она называется целиком? «Сказка о царе Салтане, о сыне его сильном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (мы почему-то оставляем в памяти «Сказку о царе Салтане»). Если прочесть историю и вернуться к названию — скажите, а что сделал Гвидон Салтанович, чтобы назвать его сильным, могучим богатырем? Ничего богатырского он не совершал, все делала царевна Лебедь, превращая его в разных насекомых, а он кусал женщин в глаза и носы и забивался в щель на корабле. Конечно, он застрелил коршуна. Но это тоже довольно странная история.

Давайте вспомним про то, как он рос в бочке. Вы представляете: мама и младенец в бочке, «растет ребенок там не по дням, а по часам». Они приплывают, когда ребенок уже взрослый мужик. Значит, каких размеров бочка — это особый вопрос. Как там это происходило?

Читаем дальше:

В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Если представить себе эту сцену, то выходит голый мужик — одежды же не было. Или и одежда на нем растет? И дальше он делает очень странную вещь:

Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук

Кто-нибудь пробовал луки делать в детстве? Из дуба невозможно сделать лук, он не тугой, он ломается. А из чего он делает тетиву?

Со креста шнурок шелковый
Натянул на лук дубовый

Его, как выяснилось, крестили. Хотя он «не мышонок, не лягушка»... И какого размера должна была быть тетива, если этот шнурок с детства? Что же это за лук такой богатырский?

А где вообще происходит начало этой истории? В какой стране? Там, где есть светлица... Что-то славянское. А что Салтан — это славянское имя?

Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...

То есть в Турцию, туда, где Черное море. Тем не менее, вся атрибутика славянская.

Если вы помните, в самом начале:

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.

И что говорит первая? (Они же не знают, что их подслушивают).

То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир.

«Хочу всех накормить» — прекрасное альтруистическое желание. Другая говорит: «Я бы всех одела» — ну, замечательно! Почему потом они станут негативными персонажами, совершенно не понятно. Третья говорит:

Я б для батюшки-царя
Родила богатыря.

Представляете: тут царь, который ходит по ночам, подслушивает под окошком девичьи разговоры. Интересный такой царь у нас, да?

Дальше сцена:

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела.

А он стоит «позады забора», как вы помните. Правда, «забором» тогда называлась такая стеночка в сенях. Тем не менее, скорость у царя совершенно невероятная.

И так далее.

Понимаете, Пушкин импровизацией не занимался. У него каждая фраза продумана и по многу раз. Вообще говоря, он смеется над сказочными канонами, чего мы не улавливаем, и сказывает совсем не для детей. Это можно читать как некую пародию. Это для тех, кто хочет посмотреть на мир и, скажем, досмеяться до того, чтобы представить себе, как пресловутая белочка сидит и грызет орехи и при этом поет «Во саду ли, в огороде», а проходящее войско отдает ей честь. Можете себе пред-

ставить: сидит мелкий грызун, а проходящее войско ей честь отдает! У Пушкина постоянно проявляются эти скрытые моменты. Есть целые исследования по этому поводу.

Или вот еще мы читаем детям «Золотого петушка». Зачем? Абсолютно сексуальная история, вообще говоря, про утрату сексуальной силы, попытку ее обрести. Помните, кто был мудрец, который дал этого петушка Дадону? Мудрец — звездочет и скопец (дети тут все время «спотыкаются», а взрослые не знают, как им объяснить). Поэтому его и спрашивают: «И зачем тебе девица?» И это мы детям читаем — про скопца. Иногда это выходит в рекомендованных сказках для детей.

Так что у Пушкина все сложнее. Даже во взрослых стихах. Вот, например, помните, было такое стихотворение:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?

А тот говорит:

В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

И там где-то дом и женщина ждет:

А хозяйка ждет милого
Не убитого, живого.

Обычно это трактуется как история о женской верности. Вот она ждет любимого, несмотря на его возможную смерть. А что, ворон другого ворона звал, чтобы историю про женскую верность рассказать? А кто убил богатыря? Его же кто-то убил. В гости «ждет к себе милого, не убитого, живого». Кого тогда ждет на самом деле эта женщина? Не того ли, кто убил? Интересный вопрос, необычный. И все преобразуется в какую-то совершенно другую историю.

У Пушкина есть очень много двойственности и даже кажущихся нелепиц. Такие моменты показывают, что любые тексты сложны, даже, вроде бы, самые простые.

Так можно вычитывать очень разные вещи. Когда будете читать научные статьи, первый вопрос, которым надо задаваться: с кем беседует автор? К кому обращен этот текст? В каком контексте он существует? Где мы видим авторские игры, которые могут быть намеренными или нет?

Может быть, мы вспомним что-то еще, когда будем говорить о психоанализе. Трактовка сказок с точки зрения психоанализа — это очень интересная тема.

Говоря о психоанализе, многие обращают внимание на то, что его метод и теория парадоксальным образом могут друг с другом не сочетаться. Потому что, когда Фрейд создает свою метапсихологию, он по существу создает естественно-научную картину: энергия, влечения и прочие вещи. А что делает психоаналитик во время своей работы? Он осуществляет ровно вот эту понимающую процедуру: слушает, что говорит пациент, и пытается понять смыслы, стоящие за этим. Фрейд не ссылается на понимающую психологию, но это **понимающая** процедура, возможно, независимо возникшая у Фрейда. Неслучайно герменевтика оказалась для психоанализа очень важной. Ж. Лакан сказал: «Назад к Фрейду!», имея в виду, что психоанализ ушел от того главного, что было у Фрейда, — от работы со словом и с его смыслом.

Идея феноменологии вкупе с идеей понимающей психологии напрямую повлияет на изменения в психиатрии (это то, о чем Каннабих пишет, но не успевает описать). Дело в том, что в 1913 году Карл Ясперс, в будущем философ-экзистенциалист, а в те годы психиатр, пытался выстроить новый подход и применить эти идеи к пониманию психопатологии. Тут уже не важен **диагноз** как таковой. Важно понять жизненный мир другого человека — внутренний мир больного, его внутреннюю картину. В современной психотерапии вы увидите и такую линию тоже — отказывающуюся от диагнозов. Например, Босс с Бинсвангером в свое время откажутся от диагнозов. Если вы возьмете ту же понимающую психотерапию, то увидите, насколько аккуратно ведет себя с проблемой диагностики Федор Ефимович Василюк, потому что там главное — эта позиция: понять другого.

Коль скоро мы заговорили об экзистенциализме⁶, конечно, мы не можем не вспомнить Сёрена Кьеркегора. Тут мы снова уходим в первую половину XIX века (так мы говорили о второй, но давайте сделаем отступление).

⁶ В советское время экзистенциализм всегда ценился очень низко. Была такая книга, проникнутая философией оптимизма — «Грани несчастного сознания» (автор — С. Великовский — *Прим.ред.*). Гуманистическую психологию у нас именовали «так называемой гуманистической психологией». И нас учили, что есть реальный и абстрактный гуманизм. Абстрактный — когда всех любишь, а реальный — когда только товарища по партии. В книге двух немцев-философов по психологии личности (или философии, сейчас не помню), личность определялась так: человек как носитель социалистических идеалов. Все остальное это не личность. Вот как раз почему важно то, чем занимается Ф.Е. Василюк и те, кто рядом с ним — они отстаивают право на феноменологический подход. Не объективистский научный, а феноменологический. Поэтому в этом плане вы получили хороших учителей.

Сёрен Кьеркегор (фамилию которого пишут по-разному, основное написание через твердый знак — «Кьеркегор», но иногда пишут «Киркегор», кто-то пишет «Киркегаард», но произносится «Кьеркегор») — несчастный молодой датский мистик — в 40-е годы XIX века пытался выступить с иной программой философии по отношению к гегелевской. Напомню, что это время немецкой классической философии — доминирует Гегель, рационализм, «все действительное разумно, все разумное — действительно», «мир — сам себя познающий разум» и т.д. Все рационально. И как скажет потом Бубер, Гегель выстроил уютный дом для человечества, который в массовом сознании позже пошатнется. Так вот Кьеркегор выступил с мыслью о том, что при помощи разума мы вообще не прикасаемся к истине. И парадоксальным образом вынужденный аргументировать **разумно** мысль о том, что при помощи разума мы к истине не прикасаемся, он в своей, вероятно, главной работе «Страх и трепет» предлагает читателю вспомнить сюжет о жертвоприношении Авраама. Согласно тексту, Бог Ветхого Завета, очень суровый, испытывающий, велит Аврааму принести в жертву своего сына Исаака. Авраам слушается. Он ведет сына на гору, связывает его, разводит костер, берет жертвенный нож. И его останавливает рука ангела, посланца божия, и вместо сына был заколот агнец. С тех пор прекратились человеческие жертвоприношения. Если мы стоим на позиции разума, как говорит Кьеркегор, можем ли мы доказать, например, что именно Бог велел Аврааму делать такие вещи, а не дьявол ему это нашептывал? Как объяснить **разумно** поведение Авраама? Он же мог не убивать сына. Он мог уйти. Мог себя убить, в конце концов. А он идет на это. Мы не можем объяснить этого разумно. Очевидно, у Авраама свои отношения с Богом. Именно отношения, а не мысль, рационально принятая.

Вообще, в вере (а Кьеркегор был религиозный мыслитель) есть масса вещей, которые разумно объяснить действительно невозможно. Может ли кто-то из вас мне объяснить, что такое «един в трех лицах»? П.А. Флоренский писал о том, что есть вещи, которые могут только приниматься на веру, больше никак. И тогда возникает вопрос: а в чем же нам дается истина? По Кьеркегору, по сути, — в переживании. Особенно в тех переживаниях, которые испытывает человек, чувствуя себя наедине с миром. У Кьеркегора — экзистенциализм монологический, там нет идеи буберовской Встречи. Одиночество. А когда мы наедине с миром? Прежде всего, когда мы на краю смерти. Это то, из чего потом Ясперс выведет понятие «пограничная ситуация». И в этом переживании нам открывается **нечто** относительно себя, относительно бытия. Что-то **становится** в нас. И вот это становящееся Кьеркегор называет термином «экзистенция», потому что буквальным перевод «существование» нам не дает представления об этом.

Возможно, вы мне подскажете, кто и в какой ситуации слышал детский голос, сказавший: «Пожалуйста, нарисуй мне барашка». Это летчик

из «Маленького принца» Сент-Экзюпери, который умирает от жажды в пустыне. В пустыне — абсолютное одиночество, там ему открывается нечто, что заставляет его жить и двигаться.

При жизни Кьеркегор оценен не был. Он практически не переводился с датского на немецкий или на другие языки. Важно, что его идеи будут реально востребованы после Первой мировой войны, когда людям стало не то чтобы понятно, стало чувствоваться, что стройности и логичности в мире нет. И тогда проблемы совершенно другие, и мир — абсурден. Самые просвещенные страны, декларировавшие идеи гуманизма, занимаются взаимоуничтожением. Поэтому идея отказа от причинного объяснения, уход в субъективную реальность, экзистенциализм и феноменология — это очень родственные вещи. Экзистенциализм возникал, если брать ближайших предшественников, из феноменологии и психофилософии жизни.

Следующие несколько событий не будут непосредственно связаны с психотерапией, но будут протекать в параллельных пространствах.

Здесь стоит упомянуть Фрэнсиса Гальтона. Это очень необычный человек, проживший долгую жизнь. Он был двоюродным братом Чарльза Дарвина, был похож на него по образу жизни: оба начали публиковаться довольно поздно, оба много путешествовали. Гальтон был врачом-недочкой, вообще высшего образования не имел (учился, но так и не доучился). Но при этом был фантастически гениален, и в разное время его интересовали разные проблемы.

В середине XIX века он предпринял очень опасное путешествие в Африку (и, кстати, создал первое пособие по выживанию в экстремальных условиях). На базе этого путешествия он инициировал появление такой науки, как евгеника. Евгеника, в свою очередь, привела его к рассмотрению наследственной одаренности, что в 70-е годы завершилось появлением книги «Наследственный гений» — он взял родословные великих людей и отследил, что дарования повторяются в поколениях. Это стало началом психогенетики. А уже оттуда Гальтон приходит к необходимости диагностики. И в его лаборатории, которая открылась несколько позже, чем вундтовская, в качестве испытуемых прошло много тысяч человек. Он стал предлагать разного рода процедуры, и антропометрические, и задания другого типа, которые позволяли точно измерить звуковысотный слух или глазомер, как-то соотносить с интеллектом то, что человек делал. Или например, он предлагал испытуемым ряд слов и просил на каждое ответить первыми пришедшими на ум двумя словами. Это называется «ассоциативный эксперимент», который впоследствии будет использовать в терапевтической практике Юнг. А Лурия, правда, уже вслед за Юнгом, будет использовать его в своей сопряженной моторной методике.

Испытания, которым Гальтон подвергал людей в своей лаборатории, получили название «тестов». То есть к нему восходит, с одной стороны, психодиагностика, а с другой стороны, дифференциальная психология, которую можно связать с психотерапией через типологию характеров, например. Этим Гальтон не занимался, но проблема индивидуальных различий по существу впервые была поставлена именно им. Как вы понимаете, проблема диагностики тоже со временем придет в терапию, так что Гальтон здесь тоже «при чем».

Кроме того, он совершил массу открытий в различных областях. Так, когда вы смотрите прогноз погоды, имейте в виду, что явление антициклона открыл Гальтон. Также он изобрел первый перископ (формально это изобретение записано не за ним). Кстати, у этого изобретения была вполне психологическая цель — Гальтон хотел изучать толпу. А проблема изучения толпы заключается в том, что если я в толпе, то не знаю, что происходит в целом, а если я сверху, то не знаю, что внутри. Перископ же позволяет в случае надобности посмотреть поверх голов. Гальтон изобрел первый печатающий телеграф. Он придумал совершенно замечательную штуку, которая не получила практического воплощения, хотя могла бы: он пытался создавать обобщенный портрет группы. Имеется в виду не фотография группы как таковой, а так, чтобы в одном человеке проявлялись усредненные показатели всей группы. Если делать фотографию на большой выдержке и сначала посадить одного человека перед камерой, затем точно на его место — другого, третьего и т.д., то в итоге мы получим усредненный портрет, усредненные черты лица. Гальтон (вот это мне очень нравится) проверял на себе, как влияет на происходящие в жизни события то настроение (или, как мы бы сказали, установка), с которым ты выходишь утром на улицу. Он внушал себе плохое настроение — и действительно происходили плохие события: его толкали, обижали, лошадь укусила. В хорошем настроении этого не происходило. Именно Гальтон, в страшные дни, когда по Лондону бегал Джек-Потрошитель, предложил дактилоскопию — идентификацию через отпечатки пальцев.

Любопытно, что если попытаться проверить его идею «наследственного гения» на нем самом, то возникнут трудности, потому что по отцовской линии у него ни одной выдающейся фигуры нет, он был младшим из семи детей и старшие дети никак себя не проявили. Правда, по материнской линии, у него в предках Ярослав Мудрый, а также несколько французских и английских королей, и двоюродный брат — Чарльз Дарвин. А у самого Гальтона детей не было, так что неизвестно.

Теперь еще буквально несколько слов о тех вещах, которые отмечают, когда говорят о развитии психиатрии и клинической психологии. Из XIX века, помимо психофизики и неврологии, придет идея локализации психических функций и связи их поражений с мозгом.

Откуда пришла эта идея? В начале XIX века получило широкое развитие и популярность такое направление, как френология. Буквальный перевод — «учение о разуме» (френ (φρήν) с др. греч. — разум. Отсюда «олиго-френия» — сниженный разум, «шизо-френия» — расщепленный разум и т.д.). Френологи, в первую очередь, австрийский врач Ф.Й. Галль, выдвинули предположение, что отдельные свойства человека связаны с отдельными участками мозга и, более того, чем больше развит по величине этот участок мозга, тем сильнее выражена данная способность или черта характера. У них не было никакого метода исследования, но они полагали, что форма черепа повторяет форму мозга и, соответственно, по выпуклостям и впадинам на черепной коробке, соотнося их с особенностями человека, пытались установить эти связи, составляли френологические карты и пр. Над этим вскоре начали смеяться в обществе⁷.

Идея локализации стала находить клинические подтверждения в 60-е гг. XIX века, когда были открыты центр Брока и центр Вернике. Там применялся другой метод. У Поля Брока был больной с тем, что сейчас называется «моторная афазия», т.е. человек не может произвольно говорить, хотя понимает то, что говорят ему. Он наблюдался прижизненно, а когда умер, Брока, проанатомировав, проанализировал его мозг и нашел поражение в области третьей лобной извилины. Потом, когда такие же больные исследовались посмертно, то оказывалось, что у них у всех есть это поражение — в центре Брока, в моторном центре речи. Центр Вернике — соответственно, сенсорный центр речи.

Появился новый метод, благодаря которому удалось создать другие карты мозга. И идея нервизма заставляла психиатров соотносить то, что происходит с мозгом, с изменениями поведения, вплоть до заболевания. Другое дело, что возник так называемый «узкий локализационизм» — представление о том, что есть жестко закрепленная связь между участком мозга и функцией. Потом оказалось, что это не совсем так, и появился антилокализационизм, скажем, у К. Гольдштейна. А затем окажется, что есть системно-динамическая локализация, которую опишет А.Р. Лурия, но это уже о другом.

Так что, как видите, XIX век подготовил многое из того, что произойдет в психотерапии дальше.

⁷ В частности, у Козьмы Пруткова была такая комедия под названием «Черепослов, сиречь Френолог». Речь там идет о том, что наш русский френолог выдает дочку замуж, но не просто так, а отбор женихов у него поставлен на научной основе. Соответственно, он ищет кандидата с нужными выпуклостями и впадинами. И женихи ухитряются создать себе, по крайней мере, нужные выпуклости (со впадинами труднее): один подкладывает под парик камешки, другой молотком шишки набивает и т.п.

Благодарности

Для публикации текст подготовили ученики и коллеги Игоря Борисовича Гриншпуна: Яна Андреевна Бовбас, Екатерина Сергеевна Мазаева, Мария Владимировна Марченкова.

THE HISTORY OF PSYCHOTHERAPY. LECTURE 2. HISTORICAL BACKGROUND OF PSYCHOTHERAPY (PART III)

I.B. GRINSHPUN

This publication continues a series of lectures by Igor Borisovich Grinshpun about the history of psychotherapy. This part is devoted to the influence of XIX century psychology and philosophy to the psychotherapy and describes a wide range of personalities of that time. It traces the development of the natural science line from Wundt's up to the American behaviorism. We consider some of the ideas of F. Brentano, and their development in the phenomenology of Edmund Husserl and Martin Heidegger existentialism. Indirect and direct influence of this philosophical approaches to different areas of psychotherapy is analyzed. The founded by Dilthey humanitarian direction in psychology are considered, which became a base for humanistic and existential psychotherapy. The meaning of the hermeneutics of for psychotherapy is discussed. The analysis of the A. Pushkin writings' fragments in terms of hermeneutics is done. It addresses the issue of diagnosis in psychiatry and psychotherapy. The influence of F. Galton ideas and inventions to psychology and psychotherapy is described. There is shown the connection between the pseudoscience phrenology and the doctrine of the localization of mental functions, which is important for the development of psychiatry and clinical psychology.

Keywords: history of psychotherapy, experimental psychological laboratory, intentionality, phenomenology, understanding psychology, existentialism, life-world, empathy, hermeneutics, phrenology, Wilhelm Wundt, Bekhterev Vladimir Franz Brentano, Edmund Husserl, Soren Kierkegaard, Wilhelm Dilthey, Francis Galton.

Acknowledgements

Students and colleagues of I.B. Grinshpun prepared the text for publication: Yana Bovbas, Ekaterina Mazaeva, Maria Marchenkova.

For citation:

Grinshpun I.B. The history of psychotherapy. Lecture 2. Historical background of psychotherapy (Part III). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2016. Vol. 24, no. 2, pp. 115—131. doi: 10.17759/cpp.20162402008. (In Russ., abstr. in Engl.)